
М. Т. АНДРЮШЕНКО

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ НЕПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ – ЧТО В ИТОГЕ?

Введение. Не очень «складное» заглавие предлагаемой статьи (другое для решения поставленной задачи найти не удастся) связано с тем, что более четверти века в нашей философской литературе существует тенденция использовать при характеристике познавательной деятельности оппозиции: «индивидуальное – коллективное», «производство – потребление», «продуктивное – репродуктивное». На их основе познавательная деятельность подвергается даже определенной классификации путем выделения в ней соответствующих пар типов. Содержание оппозиций видно на основе особенностей, констатируемых у каждого из них. В частности, индивидуальный тип более связывается с самопознанием. Менее – с отдельными сферами научного познания. В отличие от него коллективный тип считается неотделимым от науки, особенно когда субъект представляет собой коллектив как целостную систему, а не просто конгломерат отдельных ученых. Производящий тип ассоциируется с добыванием новых знаний, а потребляющий – с их усвоением. Наконец, различие между продуктивным и репродуктивным типами трактуется как различие между исследованием, приводящим к открытию новых законов, и научной популяризацией, тиражирующей научные открытия, придавая им вид, доступный для массового восприятия¹.

¹ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 62-64. За время, прошедшее после появления этой монографии, отмеченные положения в полном, неполном, явном и неявном видах переходили в другие издания. См., например: Диалектика познания/Под. ред А. С. Кармина. Л., 1988; Филатов В. П. Научное познание и мир человека. М., 1989 и т. д.

Однако феномены, составляющие отмеченные оппозиции, не являются познавательными. Как показывает их содержание, в гносеологию они привнесены из теории других видов деятельности – прежде всего преобразовательной. Применительно к последней их особенности известны достаточно хорошо. **Но каковы они применительно к познанию и насколько адекватно отражают указанный процесс?** Этот вопрос, как известно, пока никем не ставился, хотя целесообразность его постановки несомненна. Он встает прежде всего на основе принципа единства качества и отношения – принципа, согласно которому качественная определенность явления изменяется под воздействием того, в каком отношении последнее выступает, входя в соответствующую систему. Он встает также на основе необходимости дальнейшего исследования познания, в том числе соотнесения его с другими видами деятельности. От того, каким будет ответ, зависит степень совмещения оппозиций с познанием.

Применительно к теории в ответе содержится возможность уточнить методологию (дескриптивную и нормативную) изучения данного процесса и на этой основе продолжить движение к более адекватным результатам. Применительно к практике – возможность, наряду с прочим, оптимизировать ряд сторон информационного воздействия на людей, где те фигурируют как субъекты познания – реципиенты. Необходимость такой оптимизации вряд ли будет сейчас оспариваться. Достижение последней способствовало бы решению новых задач, касающихся не только обучения, воспитания и т. д., но и политической жизни, связанной, в частности, с выборами и другими массовыми волеизъявлениями.

Ниже предпринимается попытка ответить на поставленный вопрос. С этой целью устанавливается, **что** представляют собой оппозиции индивидуального и коллективного производства и потребления, продуктивного и репродуктивного по отношению к познавательной деятельности. На основе полученных результатов делается вывод о том, **насколько** адекватно они могут отразить ее и **в какой мере** следовательно, пригодны для такого отражения.

Теоретическая основа решения задачи. Выбор теоретической основы научного исследования осуществляется исходя из единства всего относящегося к его предмету, проблеме и цели². Соотнося это с тем, чему посвящена настоящая статья, видим, что в искомую теоретическую основу включаются прежде всего следующие положения³.

1. Своеобразие деятельной выраженности познания. Его направленность на переработку объекта в образы, а также на приобретение образов субъектом⁴ и, следовательно, направленность на получение того, из чего создаются идеальные модели действий.

2. Сведения, информация⁵ об объекте как совокупность образов его сторон. Деление образов на отражательные и прогностические. Соответственно – информация как результат предыдущего этапа познания и как средство (материал для идеальной модели) дальнейших этапов познания.

3. Наличие в познании двух направлений: исследования и внутрисубъектного информационного обмена. Прямая связь субъекта и объекта в первом из них. Косвенная – во втором. Представленность там объекта субъекту, выступающему реципиентом, через коммуникатора. Передача последним субъекту-реципиенту своих сведений об объекте.

4. Соотношение между познанием научным, обыденным и художественным. Научное познание как самостоятельный вид деятельности, связанный с отражением законов окружающего мира и использующий соответствующий этому набор средств. Системность, упорядоченность,

² См.: Герасимов И. Г. Структура научного исследования. М., 1985. Гл. 3.

³ Поскольку в целом они известны, постольку, учитывая требования, предъявляемые к структуре и объему журнальной статьи, приводятся в сжатом виде.

⁴ Известно, что познавательная деятельность и познание – не одно и то же. Первая складывается из совокупности действий субъекта, направленных, как сказано, на переработку объектов в образы и на их приобретение. Второе выступает как определенное взаимоотношение между субъектом и объектом. Настоящая статья посвящена познавательной деятельности. Но с целью более удобного восприятия отдельных элементов ее текста там, где нет специальных оговорок, термины «познавательная деятельность» и «познание» выступают как синонимы.

⁵ Здесь и далее понятие «информация» употребляется только в первом из общепринятых значений – в значении сведения, сообщения.

глубина как основные показатели его результатов. Вплеченность обыденного познания в другие виды деятельности. Поверхностность получаемых в нем результатов. Художественное познание как моделирование действительности. «Слитость» субъекта художественного познания. Охват ею (в ряде жанров искусства, например в театре) автора и тех, кто его «продолжает»: режиссера, актеров и т. д. Охват ею также производителя, создателя (автора) и потребителя (читателя, зрителя, слушателя) художественного произведения.

5. Наличие в человеческих действиях двух сторон: деятельной и поведенческой. Неотделимость деятельной стороны от целенаправленности, продуманности, структурированности, безличности. Слабая выраженность этих показателей у поведенческой стороны. Преобладание в ней бесструктурности, личностного момента, ситуативности, случайности.

6. Своеобразие индивида, коллектива и их связи. Социальность индивида. Его производность в качестве личности от общественных отношений. Формируемость под влиянием непосредственного окружения, равно как общественных идей и культуры. Личностная выраженность коллектива. Единство цели всех, кто им объединен. Причастность каждого к ее реализации на основе имеющихся возможностей. Вытекающее отсюда единство принципов сотрудничества. Общение между членами коллектива, в том числе обмен информацией, как средство принятия, уточнения и соблюдения последних.

7. Сущность и взаимосвязь производства и потребления. Производство как процесс создания того, чего в данный момент не существует, независимо, было ли оно в прошлом и имеет ли аналог в настоящем. Потребление как процесс использования предмета для определенной цели. Успешность и безуспешность его результата в зависимости от того, насколько цель достигается. Использование и сохранение предмета как возможные результаты его потребления. Производство как сторона потребления и потребле-

ние как сторона производства. Взаимный переход каждого в другое.

8. Своеобразие духовного. Несводимость духовного к отражению материального. Наличие у него относительной самостоятельности. Неуничтожимость духовного с помощью материальных средств. Духовное производство и духовное потребление как две взаимосвязанные сферы существования и функционирования духовного. Сохраняемость духовного по мере его потребления.

9. Неоднородность деятельности. Деление ее на репродуктивную (предполагающую получение уже известного результата известными же средствами) и продуктивную (связанную с выработкой того, что не имеет аналога, с использованием соответствующих этому средств). Наличие в нем объективной и субъективной предпосылок. Связь каждой с единством прерывности и непрерывности человеческих действий, а также с отношением их субъекта к образам, которые направляют эти действия. Сохранение и утрата как виды такого отношения. Роль в этих видах памяти и того, что ее направляет⁶.

Таковы наиболее существенные элементы теоретической основы решения задачи, обнаруживающиеся исходя из содержания отмеченных выше феноменов. Они позволяют соотнести рассматриваемые оппозиции с познавательной деятельностью, принимая во внимание то, что объективно присуще каждой из соотносимых сторон. Их единство нацеливает на следующее.

⁶ См.: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1996; Андриюшенко М. Т. Познание и освоение. Владимир, 1998; Герасимов И. Г. Научное исследование. М., 1971; Каган М. С. О духовном//Вопросы философии. 1985. № 9; Он же. Эстетика как философская наука: Университетский курс лекций. СПб, 1996; Кон И. С. Социология личности. М., 1967; Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980; Никифоров А. Л. Деятельность, поведение, творчество//Деятельность: теория, методология, проблемы/Сост. И. Т. Касавин М., 1990; Овчинников В. Ф. Репродуктивная и продуктивная деятельность как фактор творческого развития человека. М., 1984; Пукшанский Б. Я. Обыденное знание: Опыт философского осмысления. Л., 1987; Духовное производство/Под ред. В. И. Толстых М., 1981; Производство как общественный процесс/Под ред. В. И. Толстых. М., 1986; Тютин В. С. О природе образа. М., 1963.

Индивидуальное и коллективное в познании: насколько каждое индивидуально и коллективно? Как видно из соответствующих положений теоретической основы решения задачи, то и другое находятся в состоянии взаимопроникновения. В результате индивидуальное несет отпечатки коллективного, а коллективное – отпечатки индивидуального. Отсюда следует, что ответить на поставленный вопрос – значит выявить особенности индивидуального и коллективного в познании, а также – особенности индивидуальной и коллективной выраженности каждой из них.

Своеобразие индивидуального обнаруживается на основе качественной определенности познания как одного из видов деятельности. А она показывает следующее. Применительно к определенным пространственно-временным параметрам таким индивидуальным оказывается то, что субъектом познания выступает индивид.

Индивидуальная выраженность индивидуального связана прежде всего с особенностями места, занимаемого в познании субъектом-индивидом, и его отношения к этому процессу. Речь идет прежде всего об индивидуальных цели, средствах и условиях познания, за которыми стоят индивидуальные интерес, увлеченность, энергия, талант, мастерство и т. д. Особенно большое значение имеет это применительно к научному и художественному познанию, где у каждого произведения свой конкретный автор. Периодический закон открыл Менделеев, теорию относительности сформулировал Эйнштейн, художественные образы Наполеона, Кутузова и других создал Толстой. То, что совершили они, в таком же виде больше не сделал никто.

Индивидуальная выраженность индивидуального связана и с личностью действий субъекта-индивида. А она выражает преобладание поведенческой стороны над деятельной. Тем самым в познание могут проникать элементы бесструктурности, ситуативности, недостаточной продуманности и т. д. Многое здесь, конечно, зависит от того, каким является познание. В обыденном познании возможность такого проникновения, при прочих равных условиях,

выше. В научном – ниже. Но сама она, независимо от своей степени, имеет место везде, ибо индивидуальный характер субъекта неотделим от личностного момента его действий.

Коллективная выраженность индивидуального также связана с местом, занимаемым в познании субъектом-индивидом, и его отношением к этому процессу. Но если в индивидуальной выраженности эти феномены отделяют его от других, то здесь сближают с другими. Речь идет об интегрированности субъекта познания – индивида в определенный коллектив. Это проявляется прежде всего в его принадлежности к некоторой научной школе, художественному методу, стилю и т. д. Через такую принадлежность субъект оказывается причастным к объекту, цели, средствам оценки и другим явлениям, имеющим распространенность в коллективе и определяющим его действия. Интегрированность может проявляться и через партийную принадлежность субъекта-индивида. В последнем случае на его познавательные действия влияют принятые идеологические и политические установки. Последствия интегрированности более ощутимы в научном и художественном познании. Менее – в обыденном.

Коллективная выраженность индивидуального связана и с безличностью действий субъекта-индивида. Последняя обусловлена преобладанием там деятельной стороны над поведенческой. Тем самым в познавательных действиях субъекта усиливаются тенденции целенаправленности, продуманности, структурированности и т. д. Естественно, как и в индивидуальной выраженности, многое здесь зависит от вида познания. В научном познании вероятность такого усиления выше, в обыденном – ниже. Но отрицать его не приходится, ибо то, что детерминирует особенности деятельной стороны действий человека, в большей мере вытекает из его связей с коллективом, чем из собственных индивидуальных особенностей.

Интегрированность субъекта познания – индивида в коллектив основывается на внутрисубъектном информационном обмене – в том числе коммуникации – с членами

соответствующих общностей. В определенных случаях внутрисубъектный информационный обмен может дополняться эмоциональным взаимодействием своих членов – взаимодействием, результаты которого способны влиять на содержание циркулирующей информации. Афоризм Гольбаха, что, когда человек испытывает страх, он перестает рассуждать, давно стал хрестоматийным. Его знают все. Но при этом не всегда учитывают, что страх и другие переживания в конечном счете основываются на общении (настоящем либо прошлом) между людьми. Применительно к тому, о чем идет речь, отсюда вытекает, что в коллективе исследователей-индивидов либо в коллективе, куда входит исследователь-индивид, например в политической партии, не исключено искажение полученных результатов. Искажению подлежат результаты исследования. Но искажаются они в процессе общения между членами коллектива. Такова издержка коллективной выраженности индивидуальной стороны познания.

Коллективное в познании обнаруживается на той же основе, что и индивидуальное. Как показывает эта основа, применительно к определенным пространственно-временным параметрам коллективным является то, что субъектом данного процесса выступает коллектив. Причем обязательным элементом качественной определенности такого субъекта является обмен информацией между его членами по поводу их совместных познавательных действий. Поэтому здесь также возможна отмеченная издержка. Но теперь ее пределы более широки.

Индивидуальная выраженность коллективного связана прежде всего с тем, что коллектив есть **коллектив индивидов**. Отмеченная обязательность обмена информацией между ними является средством их цементирования и ориентации на решение общей познавательной задачи. Индивидуальная выраженность связана и с относительной самостоятельностью индивида в коллективе. На основе последней в пределах субъекта познания – коллектива – становится возможным определенное сочетание индивидуального и коллективного в целях, средствах, условиях и т. д.

Отсюда – возможность проникновения в познавательные действия субъекта-коллектива определенных показателей поведенческой стороны и сочетания их с показателями стороны деятельной. Разумеется, степень распространения отмеченного опять-таки зависит от вида познания. В научном познании индивидуальная выраженность коллективного распространена меньше, в обыденном – больше.

Коллективная выраженность коллективного связана с тем, что в отличие от индивидуальной на переднем плане оказывается здесь не относительная самостоятельность индивида, а доминанта того, что происходит от коллектива. Она касается прежде всего цели, средств, условия. С ней связано также разделение труда между элементами коллектива – субъекта познания, и закрепление каждого из них за одной или несколькими операциями. Все это, в свою очередь, ведет к доминанте собственно деятельной стороны, со всеми ее показателями, над поведенческой. Если опять-таки соотнести все отмеченное с видами познания, то нетрудно будет увидеть, что оно более вероятно применительно к познанию научному, менее – применительно к познанию обыденному.

Единство отмеченных особенностей индивидуального и коллективного в познании нацеливает на следующие выводы. Индивидуальное не является здесь жестко индивидуальным, равно как и коллективное – жестко коллективным. Более того, качественная определенность каждого из них складывается через взаимосвязь и переплетение с другим. Поэтому нет оснований считать, например, самопознание только индивидуальным, так же как замыкать научное познание только на коллективные тенденции, не признавая, кстати, последних за обыденным познанием. Коллективный и индивидуальный моменты неотделимы от всех видов познания, хотя в каждом из них тому и другому присущи свои особенности. В научном познании на передний план выходит то, что характеризуется коллективностью⁷. В обыденном – то, что имеет выраженность инди-

⁷ Единство и различие между науками фундаментальными и прикладными показывают, что исследовательская деятельность в каждой группе отличается своим соотношением индивидуального и коллективного. В науках первой группы формально доминирует индивидуальный момент, в науках второй группы – коллективный. Что касается момента содержательного, то, поскольку составляющие обеих групп относятся к **науке**, а не к так называемому **обыденному знанию**, постольку применительно к нему доминанта отсутствует.

видуальную. Но в каждом представлены оба. Иначе познание, как вид деятельности, утрачивает свое качество.

Познание с позиции производства и потребления. Производственная характеристика познания выражает создание субъектом информации об объекте, т. е. переводение последнего в образы, из которых эта информация складывается. Поскольку такой процесс осуществляется только в исследовании, но не распространяется на внутрисубъектный информационный обмен, постольку познание шире того, что связано с производством информации.

Вместе с тем подобно всякому производству, производство информации характеризуется количественными и качественными показателями. Первый обуславливается степенью охвата объекта переводом в образы, скоростью такого перевода и т. д. Второй – степенью адекватности создаваемых образов объекту.

В производстве информации об объекте, с которым субъект связан прямо, доминирует деятельная сторона со всеми свойственными ей показателями – целенаправленностью, продуманностью, структурированностью и т. д. Это производство способно протекать и в научном и в обыденном познании. Полученная в нем информация выступает для субъекта как явная и по отношению ко всем осуществляемым действиям оказывается необходимой.

В производстве информации об объекте, с которым субъект связан косвенно, может доминировать поведенческая сторона – также со всем, что из нее вытекает: прежде всего отсутствием заранее поставленной цели, недостаточной продуманностью, бесструктурностью и т. д. Чаще это имеет место в обыденном познании, чем в научном. Получаемая в нем информация большей частью оказывается неявной и по отношению к осуществляемым действиям несвободна от случайности.

Соотнесение научного и обыденного познания, с одной стороны, с познанием художественным, с другой, показывает, что каких-либо принципиальных различий, касаю-

щихся переводения объекта в образы, между ними нет. Поэтому специальное обращение к производственной выразительности художественного познания здесь излишне. Все, отмеченное выше, относится и к ней.

Информация составляет благо, не только производимое, но и потребляемое. Это свойственно ей постольку, поскольку из нее составляется идеальная модель действия, направленного на достижение цели. Последняя может касаться различных явлений и, соответственно им, реализовываться в различных видах деятельности. Познание выступает одним из них.

Получение такой информации субъектом равно как пополнение ею своего информационного запаса не есть еще потребление. Типичный пример в этом отношении представляет собой коммуникативный процесс. В каком бы количестве информация ни поступала через него к субъекту, последний оказывается столь же далеким от ее потребления, как и в случае отсутствия.

Потребление осуществляется через вплетение информации в действие субъекта – действие, по отношению к которому она имеет качество идеальной модели. Процесс потребления протекает по мере совершения действия. В отличие от потребления материальных благ потребление информации не вызывает ее износа, т. е. количественного и качественного изменения, исключающего дальнейшее использование. Информация может потребляться и далее, если соответствует цели субъекта, условиям ее достижения, используемым средствам и т. д. Если такое соответствие утрачивается, она устаревает и подлежит исключению из потребления. Наряду с этим имеется и так называемая неустаревающая информация. Она лежит в основе повседневных рутинных действий, характеризуется широкой распространенностью и передается из поколения в поколение. Но ее существование представляет собой частный случай исследуемого предмета и поэтому специально не рассматривается.

Успешное потребление информации основывается, помимо прочего, на количественном и качественном соответствии цели субъекта и всему, с чем связано достижение последней. Безуспешное – на несоответствии, которое имеет количественную и качественную выраженности, требующие преодоления. Первая преодолевается через увеличение или уменьшение дозы потребляемой информации. Вторая – через ее замену на новую, имеющую иной характер и отображающую другие явления, другие связи между ними и т. д.

Потребление информации подчиняется познанию и, соответственно, оказывается включенным в него, как сказано, только в одном случае. Последнее имеет место при создании субъектом информационной основы (методологической, методической, рецептурной и т. д.) идеальной модели, на которой затем основываются его познавательные действия. В других случаях потребление протекает за пределами познания. Если при этом оно способствует созданию идеальной модели преобразования, то информация становится в нем материализуемой.

Потребление информации в познании продолжает познавательную деятельность, сообщая ей непрерывность и составляя одну из предпосылок ее дальнейших этапов. Но оно обеспечивает протекание познания только в одном направлении – исследовании. В другом направлении – внутрисубъектном информационном обмене – этот процесс превращается в нечто иное. Возможно, правда, следующее возражение. Воздействие реципиента на коммуникатора имеет идеальную модель, чье создание явилось потреблением соответствующей информации. Поэтому, дескать, такое потребление вплетается во внутрисубъектный информационный обмен. Но это не так, ибо воздействие на коммуникатора есть в данном случае либо его исследование, либо – преобразование. Соответственно в первом случае коммуникатор выступает объектом исследования, и поэтому здесь имеет место все, отмеченное выше. Во втором – коммуникатор оказывается объектом преобразова-

ния. Последнее же направлено на то, чтобы привести коммуникатора в состояние, которое позволило бы реципиенту получить от него нужную информацию об объекте познания. А объект во внутрисубъектном информационном обмене находится за пределами коммуникатора.

Таким образом, потребляющая характеристика познания оказывается, в сравнении с производящей, не только более сложной, но и более противоречивой. Вместе с тем, с познанием она связана лишь частично. И эта ее часть по своей величине уступает здесь той, в которой потребление связано с другими видами деятельности.

Сопоставляя особенности производящей и потребляющей характеристик познания, видим следующее. Усвоение того, что добыто в производстве – как процессе пополнения информационного запаса субъекта, – не есть его потребление. Последнее оказывается иным в сравнении с тем, что относится к материальным благам. Иным оказывается и единство производства и потребления. В целом оно складывается в системе не познания как такового, а связи познания с другими видами деятельности. Применительно же к познанию является не более чем частным случаем того, что представляет собой применительно к деятельности как таковой.

При этом субъект производства и субъект потребления не имеют там жесткой границы. Как показывает соотношение между особенностями различных видов познания, при прочих равных условиях менее всего они различаются между собой в обыденном познании. Что касается познания научного и художественного, то в них дело обстоит иначе. В первом границы субъекта потребления расширяются за счет разносторонней коммуникации. Во втором – еще и за счет «слитости», которая устанавливается между автором (плюс присоединившимся) и потребителем художественного произведения: читателем, слушателем и т. д.

Таковы существенные особенности производства и потребления в системе познания. Они детерминируются спецификой этого процесса, его отличиями от других видов

деятельности, и обладают здесь неповторимой качественной определенностью. Последняя составляет одну из сторон качественной определенности познания в целом.

Насколько познание продуктивно и репродуктивно?

Как уже неоднократно отмечалось, познание есть приобретение субъектом (путем создания или принятия от других людей уже созданного) образов объекта, которые в его информационном запасе до сих пор отсутствовали. Это в равной мере относится и к исследованию, и к внутрисубъектному информационному обмену, первое из которых направлено на переводение объекта в образы, а второй – на обеспечение ими субъекта – являющегося в данном случае реципиентом – в готовом виде. Отсюда следует, что познание в принципе продуктивно и попытка найти там что-либо репродуктивное лишена основания. В самом деле. Репродуктивные действия направлены, как отмечалось, на создание того, что имеет аналог. Применительно к познанию таким аналогом являются уже приобретенные субъектом образы. Но как можно пополнять информационный запас тем, что в нем уже имеется и чем он, иначе говоря, уже пополнен? В общем, ответ напрашивается один: никак. Опыт показывает, однако, что иногда дело может обстоять иначе.

Это обнаруживается на основе, по крайней мере, двух фактов. Один касается подчиненности познания иным видам деятельности – подчиненности, которая, наряду с прочим, выражается в том, что этот процесс служит созданию идеальных моделей конкретных действий. Другой факт касается связи познания и памяти, являющейся средством удерживания приобретенных сведений в информационном запасе субъекта. Взятые в единстве, эти факты показывают, что в отношении между познанием, последующей деятельностью, основанной на его результате, и памятью могут иметь место следующие варианты.

1. Субъект предполагает осуществить определенное действие в будущем. В идеальной модели предполагаемого действия имеется пробел, который необходимо восполнить. Сведение, требующееся для восполнения, в инфор-

мационном запасе субъекта отсутствует и никогда не находилось там раньше. Такое сведение субъекту еще предстоит приобрести. Память как средство его удерживания оказывается в данном случае излишней.

2. Субъект осуществляет конкретное действие в настоящем. Он опирается на приобретенное сведение, которое, полностью или частично, составляет идеальную модель действия. Пробела в последней нет. Между ней и действием субъекта имеется согласованность. Для успешного завершения действия сведение удерживается в информационном запасе субъекта. Удерживание продолжается в течение временного интервала, не уступающего по продолжительности временному интервалу осуществления самого действия. Средством удерживания выступает, с одной стороны, действие, составляющее перевод идеальной модели в то, на что оно направлено. С другой – память субъекта.

3. Субъект осуществил определенное действие в прошлом. В своем действии опирался на приобретенное сведение – так как отмечено применительно ко второму варианту. После совершения действия непосредственная потребность в сведении отпала, и оно оказалось произвольно забытым, т. е. произвольно ушедшим из памяти субъекта. Каких-либо мер к его сохранению субъект не принял. Сведение осталось незафиксированным ни на бумаге, ни на магнитной пленке, ни на чем-либо другом. В настоящее время субъект планирует осуществить определенное действие, которое развернется в будущем, но станет аналогичным осуществленному в прошлом. В данном случае повторяется то, что имело место в первом варианте. Разница между ним и рассматриваемым вариантом является формальной. Там субъект вообще не имел никакого сведения. Здесь – имел, но утратил. Фактически в обоих вариантах сведение отсутствует. Соответственно и память как средство его удерживания в информационном запасе субъекта там и здесь оказывается излишней.

4. Субъект осуществил определенное действие в прошлом, основываясь на соответствующем сведении. Далее его отношение к сведению сложилось так же, как в третьем

варианте. Отличие сейчас в том, что он передал сведение на хранение за пределы памяти, зафиксировав его на бумаге, магнитной пленке и т. д., где оно приобрело вид знака (знаков). В настоящее время субъект планирует осуществить определенное действие – так, как это имеет место в третьем варианте. В отличие от последнего субъекту достаточно обратиться здесь к тому, что послужило средством фиксации сведения – бумаге, магнитной пленке и т. д., – и извлечь его оттуда.

5. Субъект совершил в прошлом и имеет сейчас намерение совершить в будущем то же самое, что отмечено в четвертом варианте. Отличие теперь в том, что сведение, на основе которого он действовал в прошлом и намеревается действовать в будущем, им не забыто, т. е. сохраняется в его памяти. Субъект располагает идеальной моделью своего будущего действия и в приобретении того, что может ее составить, не нуждается. Поэтому познание как таковое приобретение – будь оно в виде того, что относится к первому и третьему вариантам, либо того, что относится к четвертому варианту – здесь исключается.

При сопоставлении отмеченных вариантов видим, что в первом и третьем из них познание как предпосылка последующего действия может быть только продуктивным. Применительно ко второму и пятому вариантам вопрос о познании не встает. Тем самым не встает и вопрос о его продуктивности или репродуктивности. Таким образом, интерес представляет четвертый вариант, который и нуждается в рассмотрении. Из того, что о нем сказано, вытекает следующее.

Познание как приобретение сведения, направляющего действие субъекта, характеризуется здесь единством наличия и отсутствия необходимости. Необходимость наличествует применительно к тому, что относится к содержанию сведения. Необходимость отсутствует применительно к тому, что относится к месту, времени, средствам и т. д. повторного приобретения этого содержания. Последние

субъекту известны. Обращаясь к ним, субъект получает возможность воспроизвести для себя первое.

Сопоставляя это с основными показателями первого, второго, третьего и пятого вариантов, видим, что каких-либо других выражений воспроизведения субъектом ранее познанного не существует. Как уже отмечалось, в первом и третьем вариантах познание продуктивно. Во втором и пятом вариантах вопрос о познании не стоит. Следовательно, остается одно: признать, что репродуктивный момент познания выражается в содержании четвертого варианта.

Каковы же его особенности? Все сказанное свидетельствует прежде всего, что он не тождествен репродуктивному моменту преобразования, в частности его производительной разновидности. Там репродуктивность касается содержания того, что имело или имеет аналог. Здесь – того, чей аналог существовал и, будучи утраченным реально, сохранил свое потенциальное существование в виде отдельных доступов к себе. Далее, в сравнении с продуктивным моментом собственно познания он имеет более узкую распространенность и более слабую выраженность, ибо во всех направлениях его ограничивает продуктивный момент. Наконец, обнаружить его можно только в системе и на фоне последнего. Помимо того и другого, обнаружение исключается.

Отсюда, кстати, следует, что связь между продуктивным и репродуктивным моментами познания, с одной стороны, и продуктивным и репродуктивным моментами действия, основанного на познании, с другой, – не всегда прямая. Продуктивное действие за пределами познания может основываться на результатах и продуктивного, и репродуктивного действия в познании. Так же обстоит дело и с репродуктивным действием.

В этой связи отождествление репродуктивного момента познания с тиражированием и популяризацией сделанных наукой открытий оказывается лишенным корректности. Ведь безотносительно к виду, в котором субъект приобретает сведение о научном открытии – усложненному или упрощенному, популяризованному, – главное не в нем,

а в соотношении сведения с будущим действием субъекта, его памятью и идеальной моделью этого действия. Кроме того, тиражированием занимается коммуникатор, если говорить о внутрисубъектном информационном обмене как направлении познания, ибо в исследовании тиражирование исключается. Но субъектом познания оказывается здесь не он, а реципиент, которому адресуется тиражируемое.

Заключение. Результаты предпринятой попытки показывают, что феномены, составляющие оппозиции: «индивидуальное – коллективное», «производство – потребление», «продуктивное – репродуктивное», – имеют в системе познания иной вид, нежели присущий им в других системах. В таком виде они отражают только отдельные стороны познавательной деятельности. Но с их помощью в отражаемых сторонах обнаруживается нечто новое – то, что традиционно там не замечается.

Это исключает произвольное использование рассмотренных оппозиций для характеристики познавательной деятельности, в том числе – выделения отмеченных типов. Но это же открывает в подходе к ним более широкие перспективы. Фиксируя тенденции, имеющие место на стыке познания и других видов деятельности, они объективно нацеливают на исследование складывающейся здесь взаимосвязи – исследование, в котором могут быть выявлены новые, неизвестные пока, свойства того и другого.